

Давид
Фонкинос

ВПЕРВЫЕ
НА
РУССКОМ!

НОМЕР ДВА

Оборотная сторона успеха, воля случая,
разбитые мечты, но прежде всего — любовь.
Потрясающая история.

El Mundo

Большой роман

Давид Фонкинос

**Номер Два. Роман о человеке,
который не стал Гарри Поттером**

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Фонкинос Д.

Номер Два. Роман о человеке, который не стал Гарри Поттером /
Д. Фонкинос — «Азбука-Аттикус», 2022 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-23461-1

Что, если вам выпал шанс стать Гарри Поттером? И что, если вы упустили этот шанс? В преддверии съемок первого фильма знаменитой кинофраншизы о юном волшебнике на главную роль пробовалось множество детей, но в финале остались только двое, и те, от кого зависело решение, долго колебались, не зная, кого выбрать. Они выбрали Дэниэла Рэдклиффа – эту историю мы прекрасно знаем. Но Давид Фонкинос написал не о нем – он написал о том, кого мы не знаем: о том, кого не выбрали. Это тоже история о Мальчике, Который Выжил, но у этого мальчика жизнь выстроилась вокруг гигантского умолчания под названием «Гарри Поттер и мой провал» – целая жизнь с пустотой вместо центра, и сколько ни ходи по кругу, избежать пустоты не удастся. Как преодолеть поражение, в котором ты не виноват? Как вернуть себе жизнь, которую у тебя украли? Стать невидимкой, стать Гарри Поттером, стать собой? Перед вами история о волшебстве – но заклинаниями здесь дело не ограничится. Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-23461-1

© Фонкинос Д., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Предупреждение читателю	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Давид Фонкинос
Номер Два. Роман о человеке,
который не стал Гарри Поттером

David Foenkinos

NUMÉRO DEUX

Copyright © Éditions Gallimard, Paris, 2022

Перевод с французского Риммы Генкиной

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Р. К. Генкина, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Иностранка®

Предупреждение читателю

Хотя некоторые детали романа опираются на реальные факты, автор по мере развития полностью вымышленного сюжета стремился прежде всего дать волю воображению.

В 1999 году был объявлен кастинг с целью найти исполнителя роли Гарри Поттера – актера, которому в силу этого обстоятельства предстояло обрести мировую известность. Кастинг прошли сотни актеров. В конце концов осталось всего двое. Этот роман рассказывает историю того, кто не был выбран.

Часть первая

1

Чтобы понять всю глубину травмы, полученной Мартином Хиллом, следует обратиться к истокам драмы. В 1999 году ему только-только исполнилось десять лет, и он жил с отцом в Лондоне. Он вспоминал о тех днях как о счастливом времени. Кстати, на одной из тогдашних фотографий он широко улыбается, словно что-то обещая. Однако последние месяцы были довольно сложными: его мать перебралась в Париж. Чтобы не отрывать мальчика от друзей и не усугублять одно расставание другим, по обоюдному согласию было решено, что маленький Мартин останется с отцом. С матерью он будет видеться по выходным и на каникулах. Хотя поезда «Евростар»¹ в основном перевозили за сближение Франции и Британии, при разрыве отношений они существенно облегчали логистику. По правде говоря, Мартин не слишком переживал из-за произошедших перемен. Взаимные упреки для него, как для любого ребенка, вынужденного присутствовать при постоянных ссорах родителей, стали невыносимы. В конце концов Жанна возненавидела все, что раньше привлекало ее в Джоне, отце Мартина. Некогда она обожала эту артистическую мечтательную натуру, однако теперь считала его лентяем и полным придурком.

Они встретились на концерте группы «The Cure». В 1984 году у Джона была та же стрижка, что у их вокалиста, – нечто вроде баобаба на голове². Совсем юная Жанна работала «за стол и кров» у молодой английской четы, столь же богатой, сколь и чопорной, и носила прическу в форме идеального каре. Если бы не ее чувствительное сердце, они бы никогда не познакомились. Вообще-то, на том концерте Жанна оказалась почти случайно – пошла на поводу у Камиллы, другой француженки, с которой встретилась в Гайд-парке. На концерте девушки обратили внимание на странного типчика в глубине зала, выглядевшего совершенно потерянным. Он заглатывал пиво банку за банкой в том же темпе, в каком музыканты переходили от одной композиции к другой. В какой-то момент его колени подогнулись. Девушки подошли и помогли ему подняться, он попытался поблагодарить, но еле ворочал языком и был не способен выдать членораздельный звук. Они проводили парня к выходу, чтобы он мог продышаться на свежем воздухе. Вменяемости Джона хватало ровно на то, чтобы выглядеть крайне трогательно. Камилла, как истинный фанат рок-группы, вернулась в зал, а Жанна осталась рядом с терпящим кораблекрушение. Позже она спросит себя: может, лучше было сбежать? В момент их встречи он падал с ног, а это что-то да значит. «Не доверяйте первому побуждению – оно почти всегда благородно», – писал Монтерлан. Ну, или Жанне казалось, что он вполне мог так написать, например в романе «Девушки»³, которым в те времена зачитывались ее подруги. Много лет спустя она обнаружит, что эти слова принадлежат Талейрану. Как бы то ни было, Жанна поддалась очарованию этого тонущего бедолаги. Следует отметить, что Джон был не лишен своеобразного чувства юмора. Возможно, именно того юмора, который называют английским. Немного придя в себя, он пролепетал:

---

¹ «Евростар» – железнодорожная компания, чьи скоростные пассажирские поезда соединяют Лондон с Парижем и Лилем. Поезда «Евростар» пересекают Ла-Манш через Евротоннель за 2 часа 16 минут. – *Здесь и далее примеч. перев., кроме отмеченных особо.*

² «The Cure» (с 1978) – британская рок-группа «новой волны». У Роберта Джеймса Смита (р. 1959), бессменного вокалиста и единственного постоянного участника всех составов группы, в описываемый период на голове была копна волос, торчащих в разные стороны.

³ «Девушки» («Les jeunes filles», 1936) – антилюбовный роман французского писателя Анри де Монтерлана (1895–1972).

– Я всегда мечтал стоять в толпе во время рок-концерта и накачиваться пивом банка за банкой. Я всегда мечтал быть крутым чуваком. Но ничего не поделаешь, я всего лишь молодой косс, который любит «Швепс» и Шуберта.

Таким образом Жанна пропустила невероятную восьмиминутную композицию «A Forest»⁴. Роберт Смит любил затягивать эту потрясающую песню, которая стала хитом группы и первой, занявшей верхнюю строчку в британских чартах. Хлынул ливень; молодая парочка поспешила укрыться в такси и направилась в самый центр Лондона, где Джон обретался в крошечной квартирке, унаследованной от бабушки. Перед смертью та сказала ему: «Я оставляю тебе квартиру с единственным условием: ты будешь поливать цветы на моей могиле минимум раз в неделю». Редко случается, чтобы подобный бессрочный контракт между мертвецом и живым соблюдался столь ревностно. Возможно, это еще один образчик английского юмора. В любом случае соглашение было достигнуто, и внук никогда не отступал от данного обещания. Но вернемся к живым. Обычно сдержанная, Жанна в тот вечер решила подняться к Джону. Им показалось, что разумнее избавиться от мокрой одежды. Оказавшись нос к носу в чем мать родила, молодые люди не нашли иного выхода, кроме как заняться любовью.

Рано поутру Джон предложил отправиться на кладбище; он должен был внести очередной взнос в свою моральную квартплату. Жанне мысль совершить таким образом их первую совместную прогулку показалась совершенно очаровательной. Они бродили долгие часы в полной эйфории от дебюта их отношений и помыслить не могли, что через пятнадцать лет их ждет громоподобный развод.

2

Им понравилась идея звать друг друга Джон и Жанна. Они часами рассказывали друг другу свои жизни; не осталось ни одной пропущенной страницы из прошлого. Когда любовь делает первые шаги, любимое существо напоминает русский роман. Это плотный, неуправляемый поток. Они постоянно обнаруживали, как много у них общего. Например, литература. Оба любили Набокова и пообещали себе, что однажды по примеру писателя отправятся ловить бабочек. В то время Маргарет Тэтчер жестоко подавляла требования и надежды бастующих шахтеров; влюбленным было на это глубоко плевать. Счастье не замораживается условиями жизни рабочих; оно всегда немного буржуазно.

Джон учился в Академии искусств, но истинной его страстью было изобретательство. Его последним открытием стал галстук-зонтик. Со всей очевидностью этот аксессуар должен был войти в гардероб англичан. Но идея, при всей ее блистательности, разбилась о стену всеобщего равнодушия. Зато стремительно вошли в моду авторучки-будильники. Жанна уверяла Джона, что все великие гении поначалу были отвергнуты. Надо дать миру время приспособиться к твоему таланту, добавляла она влюбленно и пафосно. Сама она перебралась в Лондон, лишь бы сбежать от родителей, которые так и не смогли усвоить, что такое ласка и как ее применять. Жанна уже прекрасно говорила по-английски. Она мечтала заняться политической журналистикой, хотела брать интервью у глав государств, хотя и не очень понимала, откуда взялось это навязчивое желание. Восемь лет спустя она задаст вопрос Франсуа Миттерану на пресс-конференции в Париже. Для нее это станет проблемком посвящения в сан. Пока что она бросила работу няни и устроилась официанткой в ресторан, где готовили отличный чили⁵. Довольно скоро она заметила, что, если говорить с сильным французским акцентом, соберешь куда больше чаевых. День за днем она совершенствовала искусство начинать свой английский все большим количеством оговорок. Ей нравилось, когда Джон наблюдал за ней с улицы, под-

---

⁴ «A Forest» («Лес», 1980) – сингл «The Cure» с их второго альбома «Seventeen Seconds».

⁵ Чили, или чили кон карне, – мексикано-техасское блюдо из говядины, красной фасоли и острого перца чили.

жидая ее после работы. Она наконец выходила, и они долго шагали в ночи. Она рассказывала о хамстве некоторых клиентов, он с жаром излагал новые идеи. И в этом было гармоничное слияние мечты и реальности.

После нескольких месяцев накопления чаевых Жанна решила, что отложила достаточно денег и может уйти из ресторана. Она дополнила свое резюме великолепным сопроводительным письмом, что позволило ей получить стажировку в престижной ежедневной газете «The Guardian»⁶. Как француженке, ей предложили место помощника корреспондента в Париже. Это стало холодным душем. Ей грезились увлекательная жизнь, репортажи из разных интересных мест, но ее обязанности заключались в организации встреч и заказе билетов на поезд. Это довело ее до ручки, и даже ремесло официантки показалось ей более воодушевляющим с интеллектуальной точки зрения. К счастью, ситуация улучшилась. Проявив настойчивость, она сумела доказать, что способна на большее, и в конце концов ей стали доверять ответственные задания. Наконец она опубликовала свой первый материал: сообщение об открытии во Франции сети «Restos du Cœur»⁷, всего несколько строк. Джон читал и перечитывал эти строчки, как сакральный текст. Какой восторг увидеть имя любимой женщины в газете; хорошо, пусть не имя, а только инициалы: Ж. Г.⁸ Фамилия Жанны была Годар, но никаких родственных связей с франко-швейцарским режиссером у нее не прослеживалось.

Через несколько дней, придя в бюро, она обнаружила в разделе частных объявлений следующие строки, написанные *по-французски*:

Бесталанный изобретатель
нашел свою музу.
Ж. Г., ты выйдешь за меня замуж?

Долгие минуты Жанна, оцепенев, сидела за редакционным столом. Ее ужасало, что можно чувствовать себя настолько счастливой. У нее мелькнула мысль, что рано или поздно придется за это заплатить, но она тут же вернулась к идиллическому восприятию жизни. На мгновение она задумалась, не дать ли оригинальный ответ – согласие, которое его поразит и окажется на высоте сделанного предложения. И решила: нет. Она схватила телефон, набрала его домашний номер, а когда он ответил, просто сказала: да. Церемония прошла в интимной и дождливой обстановке. В мэрии поставили песню «The Cure» в момент появления свежеспеченных супругов. Несколько приглашенных друзей заплодировали парочке, которая, как того требовала традиция, жарко поцеловалась после обмена кольцами. К несчастью – что само по себе удивительно, – никто не подумал захватить с собой фотоаппарат. А может, оно и к лучшему: если счастье не оставляет материального следа, уменьшается риск позже страдать от ностальгии.

Затем они уехали на несколько дней в английскую глубинку, на маленькую ферму. Главным их занятием в медовый месяц стало освоение дойки коров. По возвращении в Лондон они перебрались в квартиру попросторнее – то есть в двухкомнатную. Если в будущем они вдруг поссорятся, каждый сможет укрыться в собственном пространстве; тут они с улыбкой переглянулись. Это было благословенное время любви, когда в венах струится юмор; любой пустяк вызывает смех и шутки. Но это не мешало Жанне строить амбициозные планы на будущее. Хотя муж казался ей существом исключительным, она вовсе не собиралась брать на себя все тяготы семейной жизни. Джон должен повзростеть, устроиться на работу. Ну почему

---

⁶ «The Guardian» («Гардиан») – ежедневная английская газета, считается одной из самых читаемых и квалифицируется как «качественная пресса».

⁷ «Restos du Cœur» («Еда от сердца») – французская благотворительная организация, основанная французским актером и комиком Мишелем Колюшем в 1985 году. Изначально занималась раздачей бесплатной еды нуждающимся, в основном бездомным, сейчас поддерживает многие проекты, в частности помогает в поисках жилья.

⁸ Ж. Г. – имеется в виду совпадение с инициалами Жан-Люка Годара (1930–2022), знаменитого кинорежиссера и кинопродюсера.

нужно все время прогибаться под конкретику жизни? – подумал он. К счастью, все устроилось довольно просто. Стюарт, бывший однокурсник по Академии, стал главным художником-декоратором фильма и предложил Джону место в своей команде. Вот таким образом Джон оказался на съемочной площадке ленты «*Dangereusement vôtre*»⁹, нового опуса из серии приключений Джеймса Бонда. Среди прочих его вкладов в искусство предлагалось полюбоваться зеленой краской на ручке двери, которую открывал Роджер Мур. Многие годы при каждом очередном показе фильма Джон восклицал: «Это моя ручка!», словно всем своим успехом сага была обязана именно этой детали интерьера. Ему доставляло удовольствие быть частью безмолвной армии, суетившейся на задворках съемочной площадки. Так, в чередовании съемок и бесплодных попыток изобрести нечто революционное, прошли годы.

Вечером в преддверии новогодней ночи, которой предстояло превратить 1988 год в 1989-й, Жанну затошнило. А ведь она еще ничего не пила. Она сразу поняла, что беременна. Ровно в полночь, когда праздник был в самом разгаре и все обнимались и целовались, она не сказала мужу «с Новым годом, любимый», она прошептала: «С Новым годом, папочка». Через несколько секунд до него дошло, и он едва не потерял сознание: Джон нередко видел все в черных тонах. Но на этот раз имелось объяснение: он, страдающий от творческого бесплодия, способен породить живое существо. 23 июня 1989 года в одном из старейших роддомов Европы – больнице королевы Шарлотты в Челси – на свет появился Мартин. Молодые родители выбрали для сына имя, равно привычное по обе стороны Ла-манша. Кстати – и лучше упомянуть об этом сразу, – в той же больнице ровно месяцем позже увидит свет Дэниэл Рэдклифф, будущий исполнитель роли Гарри Поттера.

3

Рождение Мартина, естественно, изменило быт семьи. Беспечность первого времени ушла в прошлое; теперь приходилось подсчитывать, предвидеть, предвосхищать. Такое количество заданий не вполне соответствовало возможностям Джона. Он продолжал работать в кино, однако работу ему предлагали все реже. Многие художники-постановщики отказывались с ним сотрудничать, столкнувшись с излишне бурной реакцией в случае малейшего несовпадения художественных взглядов. Жанна пыталась внушить ему, что существует дипломатический подход или, по крайней мере, более обтекаемый способ выражать свое мнение, но у него были явные проблемы с чинопочитанием. Джон и так большую часть времени критиковал сильных мира сего. В приступе гнева он начинал клеймить газету, в которой работала жена, заявляя, что издание под каблуком у властей предержащих¹⁰. А ведь «*The Guardian*» славилась тем, что отнюдь не щадила правительство. В такие моменты Жанна ловила себя на том, что больше не может выносить ни манеру постоянно жаловаться, ни желчность, сквозившую в поведении мужа. Она жутко на него злилась, но потом нежность возрождалась.

Джон был гением-любителем, гением-неудачником. Имеет ли смысл злиться на себя за то, что ты не удостоился благодати вдохновения? Можно ли терзаться из-за того, что ты не Моцарт, если из фортепиано тебе не удастся извлечь ничего, кроме жалкого бряканья? Ему нравилась поза непризнанного художника. Он был из тех, кто хочет сойти за своего в толпе фанатов на рок-концерте, хотя терпеть не может подобную музыку. Возможно, это изначальное противоречие легло в основу его психики. Джон мечтал быть изобретателем, но ничего путного ему в голову не приходило; он страдал от той нерасцветшей творческой силы, которую ощу-

⁹ «*Dangereusement vôtre*» («До ужаса ваш») – французское название четырнадцатого фильма бондианы, в оригинале «*A View to a Kill*», в российском прокате – «Вид на убийство», последнего из семи фильмов, в которых Джеймса Бонда сыграл Роджер Мур.

¹⁰ Несколько лет спустя Жанна зайдет в книжный магазин и, не удержавшись, купит новый роман Филипа Рота «Мой муж – коммунист». – *Примеч. автора.*

щал глубоко внутри. К счастью, отцовство дало ему пищу для креатива; он обожал придумывать всякие оригинальные игры. Мартин невероятно гордился таким папой. Их будни дышали непредсказуемым, каждый день возникало нечто новое. Сын видел вокруг Джона сияющий ореол. Именно этот сыновний взгляд помог Джону успокоиться и мало-помалу избавиться от фрустрации.

В профессиональном плане тоже в конце концов произошли положительные сдвиги. Однажды на съемочной площадке ему пришлось подменить заболевшего реквизитора. И на него будто снизошло откровение. Это была многоплановая работа, требовавшая высокой реактивности. Его роль заключалась в том, чтобы в авральном режиме решать любые проблемы практического порядка: починить захромавший стул, найти штопор попроще или поменять цвет чайного пакетика. Джон не только чувствовал себя на такой должности независимее, он еще и обожал это непрерывное напряжение. Он нашел призвание, сочетавшее в себе изобретательство и декорирование (а значит, каждого из нас где-то ждет предназначенное ему ремесло). По его собственным словам, он стал *художником последней минуты*.

4

Жанну подобные терзания обошли стороной. Ее профессиональная кривая всегда стремилась строго вверх. Ей удалось пробиться в политическую рубрику (сбывшаяся мечта!), ей часто заказывали репортажи. Когда она во время поездки звонила сыну, тот наносил цветным карандашом на карту ее географическое местоположение. Наступил момент, когда материнские перемещения покрыли большую часть Европы. Не вполне отдавая себе в этом отчет, Жанна отдалялась от семейного очага. Джон представлял собой одну из тех любовных историй молодости, которым зрелость пошла не на пользу. Со всей очевидностью, супругов разнесло по различным сферам. Однако множеству семейных пар удавалось превозмочь подобную разрозненность. Ведь сохранялось столько причин все еще любить друг друга: общий сын, общее прошлое, еще не остывшие угли некогда безусловно яркого огня. Жанна питала к Джону нежность, но была ли это по-прежнему любовь? Ей хотелось уберечь их отношения, но время шло, и она чувствовала, что упускает самое главное; биение ее сердца умерялось явно избыточным здравомыслием. Иногда она злилась на себя за домашние ссоры. Ты не убрал это, забыл то... Такие хозяйственные перепалки дико раздражали ее: ей казалось, что ее жизнь должна протекать совсем иначе. Но за словесными упреками стояла неудовлетворенность.

Некоторые истории, прежде чем начаться, уже были дописаны до конца. Жанне нравился один ее коллега из спортивного отдела. Они несколько раз пообедали вместе – вполне невинно, но за этой деланой невинностью скрывалась западня обольщения. Потом он предложил:

– А почему бы нам не выпить вечером по стаканчику?

Она согласилась не раздумывая. Что самое странное, Жанна не сказала мужу правды. Она сослалась на позднюю верстку номера. Ложь, запечатлевшая смутные ощущения, предрешила все остальное. После стаканчика последовало предложение совместно поужинать; и снова ложь; второй ужин завершился поцелуем; затем он заговорил о встрече в гостинице. Жанна напустила на себя удивленный вид, но ее реакция была лишь непрочной завесой, скрывавшей возбуждение. Она хотела этого мужчину, беспрестанно думала о нем, о его взгляде и его теле. В ее жизни чувственность вышла на первый план. Он испытывал то же самое; прежде он никогда не обманывал жену. За уверенными повадками он прятал глубокое волнение. Со смешанным чувством стыда и ошеломления они пообещали себе, что эта история не будет иметь продолжения; украв у обыденности толику безумства, они пытались сделать это так, чтобы их не раздавило чувство вины; жизнь слишком коротка, чтобы стремиться к безупречности.

В эту заводь, отделившуюся от основного русла, неожиданно ворвалась обманутая супруга, случайно наткнувшаяся на их обмен сообщениями. Она могла бы просто уйти от

мужа, но поступила по-другому. Она приказала ему завязать с этим романчиком. Он немедленно повиновался, не желая терять семью и рисковать общением с тремя детьми. Он уволился из газеты и нашел работу в Манчестере, на местном телевидении, что подразумевало переезд. Жанна больше никогда его не видела. Несколько недель она ходила как пришибленная, потрясенная тем, как быстро улетучилось ее счастье. Каждый поход на работу стал мучением; она поняла, что эта казавшаяся ей мимолетной история глубоко ее задела. По иронической прихоти сердца, Джон все это время казался особенно любящим. Чем упорнее Жанна ускользала, тем старательнее он пытался с ней сблизиться. Но он стал для нее обузой; ей хотелось побыть одной; она больше не любила его. Они ссорились из-за мелочей, она искусно изобретала все новые придирки. Ей нужно было облечь конец любви в какие-то покровы.

Внезапно Жанна возненавидела Англию, свидетельницу краха ее семейной жизни. Но что делать? Мартину всего девять лет. Жанна оказалась в тупике. Она не могла вырвать сына из привычной жизни, переехав во Францию, и уж тем более не могла лишиться его отца. И тут за нее все решила судьба. Ей предложили место политического обозревателя в «*L'Événement du jeudi*»¹¹. Жорж-Марк Бенаму¹², вставший во главе этого крупного французского еженедельника, твердо вознамерился омолодить редакцию и сделать ее динамичнее. Жанна познакомилась с Бенаму в Лондоне во время президентских выборов, где победил Тони Блэр. Да, Бенаму проникся к ней симпатией, но ей и в голову не приходило, что он когда-нибудь предложит ей работу. Конечно, Жанна увидела в этом указующий перст, определивший ее будущее. Перед тем как заснуть, в темноте спальни она тихо сказала мужу:

– Я уезжаю.

Джон зажег свет и спросил, куда она собралась в столь поздний час.

Тогда она заговорила о последних годах. В исповедальном порыве она чуть было не призналась и в неверности, но вовремя спохватилась. Незачем еще больше портить то, что уже закончилось. Она сказала про усталость, про уходящее время. Еще какие-то общие слова, значившие все и ничего. А потом перешла к профессиональным перспективам, которые перед ней открывались. Джон трижды выдохнул:

– Это невозможно, это невозможно, это невозможно. – И в конце концов произнес: – Ты можешь, конечно, ехать в Париж, раз для тебя это так важно. Я все возьму на себя. И будем встречаться каждые выходные...

– Мне нужно не это. Я хочу двигаться вперед.

– ...

– Наши отношения исчерпали себя.

– ...

– Мне так жаль.

– ...

– Мартин останется с тобой. Я не хочу отрывать его от жизни здесь, от друзей. Он будет приезжать ко мне на выходные и на каникулы... Конечно, если ты не возражаешь...

Джон молчал. Это был не разговор, а приговор. Он уже представлял себе одиночество в этой квартире, а сына на другом берегу моря. Вскоре она потребует, чтобы ей передали опеку; он был в этом уверен; она старается для начала его умаслить, действуя шаг за шагом и продуманно оставляя его ни с чем. Что с ним будет? Как жить без нее? Его обуревали самые мрачные видения будущего.

---

¹¹ «События четверга» (фр.).

¹² Жорж-Марк Бенаму (р. 1957) – известный французский журналист, кинопродюсер и общественный деятель.

5

Началась новая жизнь. Джон старался не показывать, что чувствует; в цирке расставания ему досталась роль клоуна. Вечером в пятницу, провожая Мартина на вокзал, он неизменно говорил с широкой улыбкой: «Поцелуй от меня Эйфелеву башню!» – и патетику этой печальной комедии мог почувствовать даже ребенок. Перед каждой поездкой Джон готовил сыну сэндвич с тунцом и майонезом, который аккуратно заворачивал в фольгу. Это ритуальное действие было незамутненным проявлением любви. Потом Джон возвращался домой, где одиночество било во все барабаны. На выходных он то и дело проигрывал в воображении прогулки сына и Жанны: куда они пошли, что делают? Однако, вечером в воскресенье получая Мартина обратно, он не задавал практически никаких вопросов. Джону не хватало мужества выслушивать рассказы о жизни без него. Он разве что спрашивал: «Ну как сэндвич, вкусный?»

6

1999 год. Мартин стал маленьким англичанином, как многие прочие. Страстный любитель футбола, болельщик клуба «Арсенал», он прыгал от радости, когда к его обожаемой команде присоединился Николя Анелька¹³. Когда тот забивал гол, Мартин гордился тем, что его мать француженка. Что еще сказать? Его любимым певцом был Майкл Джексон, в своей комнате он повесил постер с леди Ди и мечтал когда-нибудь получить собаку, которую назовет Джек. Да, чтобы не забыть: он влюбился в рыженькую Бетти, а она предпочла его приятеля Мэтью. Но случались дни, когда Мартин бывал не вполне уверен в своей любви: манера Бетти громко, во все горло, разговаривать невыносимо действовала ему на нервы. Не исключено, что он специально выискивал в Бетти недостатки, чтобы не так страдать из-за того, что не стал ее избранником. В десять лет Мартин уже понял, что один из многочисленных способов быть счастливым – это изменить восприятие реальности. От той же реальности можно сбежать при помощи воображения или картин, которые рождаются при чтении. Вокруг него ходило все больше разговоров о книге под названием «Гарри Поттер». У его подружки Люси эта история про волшебника просто с языка не сходила. Но Мартину не особо хотелось читать, следуя за модой. Ему за глаза хватало обязательных книг по школьной программе. Вообще-то, за ним не водилось никаких артистических наклонностей. Его не тянуло научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте, и он скованно себя чувствовал, участвуя в спектаклях по случаю окончания учебного года. Изредка отец брал его с собой на съемочную площадку, и там Мартин откровенно скучал. И неудивительно: ребенок на съемках Джеймса Айвори¹⁴ – это как вегетарианец в мясной лавке.

Жизнь Мартина могла бы так течь и дальше. Ничто не предвещало дальнейших событий. А потому, чтобы подвести его к кастингу для «Гарри Поттера», должна была измениться траектория. Именно это и случилось, причем дважды.

* * *

Случай всегда связывают с некой положительной силой, которая подталкивает нас к чудесным моментам. Как ни странно, негативная разновидность этой силы упоминается очень

---

¹³ Николя Анелька (р. 1979) – знаменитый французский футболист, играл за сборную Франции и за английские клубы.

¹⁴ Джеймс Айвори (р. 1928) – американский кинорежиссер, экранизировал классиков начала XX века; представитель тонкого психологического реализма. Его фильмы считаются образцом академизма и внимания к деталям.

редко, будто случай доверил создание своего имиджа гениальному специалисту по связям с общественностью. Доказательство: обычно говорят про *счастливый случай*, совершенно затеяная простая мысль, что с тем же успехом случай может быть и несчастливым.

* * *

Для начала весной 1999 года имела место долгая забастовка британских железнодорожников. Они боролись за улучшение условий труда. На несколько недель Лондон был отрезан от остальной страны, оставшись без снабжения, причем даже самыми необходимыми продовольственными товарами. Но этот элемент попадет в список значимых чуть позже. А пока что Мартин отправился в школу. Как и каждый год, дети должны были пройти медосмотр и получить заключение об общем состоянии здоровья. А школьники всегда счастливы возможности пропустить часок занятий. Так учебная пожарная тревога заменяет пытку физики-химии восторгом неожиданного странствия. Короче, такова радость отпроситься на горшок. Не очень спортивный Мартин мог бы показаться задохликом, но держался он прямо и двигался энергично. Осматривавшая его медсестра померила давление, постучала по коленкам странным молоточком, чтобы проверить рефлекс, и в конце концов попросила его встать, наклониться и дотронуться до ступней. Затем она задала несколько вопросов о семейном окружении и питании; нечто вроде экспресс-психоанализа, во время которого Мартин доложил, что его мать переехала жить во Францию, и признался, что никогда не ест брокколи.

Финальным этапом был офтальмологический тест. Довольно занятная проверка даже во взрослом возрасте. Всегда есть что-то возбуждающее в попытке превозмочь этот лилипутский алфавит. Ты начинаешь преувеличенно и забавно шуриться, чтобы в результате рассмотреть Н вместо М. Что касается Мартина, вердикт не подлежал сомнению. «Твое зрение снизилось за последний год. Тебе придется носить очки», – заключила медсестра. В десять лет такое известие обычно воспринимают с удовольствием. Тогда еще не знают, что потеряют многие часы, отыскивая эти два круглых стеклышка, без которых невозможно выйти из дому, как не знают и того, что эти стеклышки разобьются перед очень важной встречей и придется как-то выпутываться в полном тумане; и наконец, невозможно предвидеть, что однажды тебе придется носить хирургическую маску и ты будешь передвигаться в мире, подчиненном диктату запотевших очков. Но в тот момент Мартину казалось, что очки придадут ему серьезный вид или, по крайней мере, умный и, возможно, это понравится Бетти.

В тот же вечер Мартин вручил предписание отцу, который невольно увидел в этом следствие разрыва с Жанной. «У него понижается зрение, потому что он не хочет видеть новую реальность жизни...» Интересная теория, хотя и не изменившая ход событий. Жанна не собиралась спешно возвращаться в Лондон из-за того, что ее сын потерял десять процентов зрения на левом глазу. На завтра они отправились в оптику. Как ни странно, ни одной пары очков на витрине не обнаружилось.

– Придется подождать конца забастовки, чтобы доставили новую партию. У меня практически ничего нет в запасе, – объяснил торговец.

– И что теперь делать? – спросил Джон.

– А это вы у железнодорожников спросите. Я покажу вам каталог, пусть ваш сынок выберет модель себе по вкусу. Я закажу, как только появится возможность.

– ...

– А пока что я, наверно, могу предложить вам вот эти...

Продавец открыл ящик и достал оттуда круглые очки в черной оправе. Мартин на них глянул в полном расстройстве. Примерив, он решил, что выглядит в них странновато. Продавец добавил, что сможет вставить нужные линзы прямо сегодня. Отец пришел в восторг:

– Они так тебе идут! Даже не нужно просматривать каталог. Они просто идеальны!

Мальчик немедленно уверился, что отцовский энтузиазм был наигранным и преследовал одну цель: больше сюда не возвращаться.

Вот так Мартин начал носить круглые очки.

7

Второе нововведение, которым они тоже были обязаны случаю, носило имя Роза Хэмптон – молодая женщина двадцати двух лет занималась Мартином, когда отец был на съемках. Мальчика заворожила игра красок ее шевелюры: она постоянно меняла цвет волос. Несколько лет спустя, открыв для себя фильм «Вечное сияние чистого разума»¹⁵ и его героиню в исполнении Кейт Уинслет, Мартин с неизбежностью вспомнил Розу. Она обладала той же харизмой, в ней была та же мягкая сумасшедшинка. Из страха показаться смешным мальчик не решался это признать, но он к ней неровно дышал. Порой сердце мужчины бьется в теле ребенка. К несчастью, Роза жила с недоумком, игравшим в крикет. Но это было не так важно. Самым важным стало падение с лестницы.

Маргарет оступилась и полетела с лестницы кувырком. Смерть была мгновенной. Это была бабушка Розы, обожаемая бабушка. Совершенно подавленная, молодая женщина отправилась в Брайтон на похороны, да там и осталась, погрузившись в глубокое горе. Целыми днями она бродила вдоль моря, преследуемая счастливыми воспоминаниями детства. Как абсурдно умереть, когда старость еще не взяла над тобой верх. Неловкий шаг, отклонение, может, всего на миллиметр стали для Маргарет фатальными. Крошечная оплошность, отбросившая человека в смерть. И точно такое же микроскопическое упущение, вроде бы ничтожная пылинки, в свой черед перевернет судьбу Мартина. Та ступенька, с которой соскользнула нога Маргарет, в конечном счете станет причиной его трагедии.

Роза запихнула в чемодан какие-то шмотки, даже не задумавшись о времени года, и устремилась на лондонский вокзал Виктория. Только перед отправлением поезда у нее возник проблеск здравомыслия. Нельзя исчезнуть, никого не предупредив. Она позвонила своему жениху, потом лучшей подруге и, наконец, набрала последний номер. Попала на автоответчик, которому пролепетала, что не сможет завтра посидеть с Мартином. Вечером, прослушав сообщение, Джон впал в растерянность. Он ломал голову, гадая о причинах столь внезапного исчезновения девушки (та не стала ничего объяснять), и тут же переключился на более насущный вопрос: а с кем оставить Мартина?

Джон принял предложение поработать в качестве «вспомогательного реквизитора» на фильме, которому сулили большой успех, – «Ноттинг-Хилл». Кастинг, соединивший на площадке Хью Гранта и Джулию Робертс, вызвал всеобщий энтузиазм. Джон как раз занимался натурными съемками на улице, точнее, на Портобелло-роуд¹⁶, где требовалась особая точность в том, что касалось подлинности магазинчиков. Стюарт Крейг, художник-постановщик, проделал потрясающую работу. Его, привыкшего к костюмированным фильмам, увлекла идея проекта, в котором основополагающую роль в рождении романтической магии играл реализм. Не найдя никого, кто мог бы подменить Розу, Джон был вынужден взять сына с собой. Мартин привык к съемочным площадкам и послушно сидел где-нибудь в уголке. На всякий случай Джон предупредил директора, что на следующий день появится вместе с сыном. Тот ответил, что это очень удачно: мальчик заодно поучаствует в массовке.

Все было готово к началу.

---

¹⁵ «Вечное сияние чистого разума» («Eternal Sunshine of the Spotless Mind», 2004) – англоязычная драма французского режиссера Мишеля Гондри по сценарию Чарли Кауфмана с Джимом Керри и Кейт Уинслет в главных ролях. Клементина, которую сыграла Уинслет, любительница поразвлечься, выпить и почудить, красит волосы в невообразимые цвета.

¹⁶ Портобелло-роуд – улица в Лондоне, где расположен знаменитый блошиный рынок.

Прежде чем продолжить рассказ, нам следует немного отступить назад и двинуться по следам писательницы, которая на сегодняшний день пользуется всемирной известностью.

Когда речь заходит о Дж. К. Роулинг, часто говорят, что ее жизнь сложилась как волшебная сказка. Представьте себе молодую женщину, которая живет весьма шатко, в одиночку воспитывает ребенка и вдруг становится величайшей героиней Соединенного Королевства. Казалось бы, такой сюжет мог зародиться лишь в мозгу сценариста, пребывающего в прекрасном расположении духа. История началась 31 июля 1965 года в небольшом городке Йейт, в самом центре Англии. Любовь к книгам девочке привила мать, причем очень рано, так что, по воспоминаниям, первый свой рассказ она написала в шесть лет. Конечно, многое из того, что о ней говорят, вызывает сомнение. Чем более знаменит человек, тем больше людей, оказывается, имеют собственный взгляд на его прошлое. И каждый опирается при этом на лишь ему известные подробности, пикантные или провидческие озарения; самый заурядный тип, которому вы протянули пакетик с чипсами во время совместного аперитива, задумывается, а не написать ли о вас диссертацию.

Однако все сходятся на том, что у девочки необычайно рано проявилось незаурядное воображение. Но как известно, писательский талант еще никому не помог обрести счастье. Будучи интровертом, Джоан так описывает себя в подростковом возрасте: «Спокойная, вся в веснушках и близорукая». В итоге – букет переживаний, необходимых для вызревания судьбы художника. Именно тогда девочка узнает, что у матери обнаружили рассеянный склероз. Болезнь, вызывающая прогрессирующую дегенерацию – чудовищный обратный отсчет, ведущий к смерти. Тяжелейший удар для Джоан. И она решает символически выбрать ту же профессию, что и мать: преподавание. Уезжает на несколько месяцев учиться в Париж, где живет рядом с книжным магазином, которого сегодня уже не существует. В конце концов она находит работу секретаря-переводчика в «Международной Амнистии»¹⁷. Там она сталкивается с такими человеческими бедами, забыть которые просто невозможно. Намного позже она скажет: «Кое-что из увиденного там стало преследовать меня в ночных кошмарах...» В отдельных деталях ее биографии уже намечаются контуры будущей вселенной.

Потом Роулинг оказывается в Торговой палате Манчестера. Трудно представить себе более унылое существование, но скука – самая благоприятная почва, возвращающая писателей. Джоан все чаще укрывалась от действительности, создавая миры в своем воображении (литературный аналог мечтательной задумчивости), вплоть до того самого дня, когда в поезде, между Манчестером и Лондоном, в нее ударила молния вдохновения¹⁸. Пока она сидела, уткнувшись лбом в стекло, не имея под рукой ни бумаги, ни карандаша, чтобы записать мелькающие картины, в ее голове сложилась вся история Гарри Поттера¹⁹. Все проявилось одновременно, общая ткань семи томов, уточняла она. Словно отсвет этой ослепительной вспышки, шесть месяцев спустя последовала смерть ее матери.

---

¹⁷ «Международная амнистия» («Amnesty International») – созданная в Англии в 1961 году международная организация, цель которой – защита прав человека, в том числе его права на физическую и психологическую неприкосновенность; удостоена Нобелевской премии мира.

¹⁸ Говорят, что ныне писатели, которым не хватает вдохновения, садятся в тот же поезд в надежде, что история повторится. – *Примеч. автора.*

¹⁹ «Я возвращалась в Лондон одна в переполненном поезде, и идея о Гарри Поттере просто пришла мне в голову. Я писала почти непрерывно с шестилетнего возраста, но никогда раньше меня так не волновала идея. <...> У меня не было ручки с собой, но я думаю, что, наверное, это было хорошо. Я просто сидела и думала четыре часа, в то время как все детали пузырились в моем мозгу, и этот тощий черноволосый мальчик в очках, который не знал, что он волшебник, становился для меня все реальнее», – вспоминает Дж. К. Роулинг.

И наконец перед Джоан открылись новые горизонты. Откликнувшись на объявление, опубликованное в «The Guardian», она получила место преподавателя английского языка в Португалии. Там, в Порто, она встретила Жоржи, журналиста, у них родилась дочь Джессика. Но их связь оказалась бурной и непрочной; в конце концов Жоржи ударил Джоан и глубокой ночью выгнал на улицу. В недавних интервью он признал, что дал ей пощечину, но отрицал факт домашнего насилия; парадокс, который довольно сложно осознать. Джоан с дочкой вернулась в Англию, хотя это не сулило ей никаких профессиональных и личных перспектив. Вначале она нашла приют у сестры в Эдинбурге, потом сняла маленькую квартирку и жила на социальное пособие. Волшебная сказка явно нуждалась в горячем. Собственная жизнь казалась Джоан полной катастрофой, она впала в депрессию. Позже она объяснит, что те сумрачные часы подсказали ей идею *дементоров*, зловещих безликих существ, высасывающих радость и хорошие воспоминания. В конце концов она нашла работу и снова начала преподавать. Как только ей удавалось урвать часок в своем расписании, она писала с тем иступлением, какое иногда называют энергией отчаяния. Мало-помалу страницы накапливались, история обретала форму.

В 1995 году, дописав книгу, она зашла в книжный магазин в Эдинбурге, и ей попался на глаза список литературных агентов. Ей понравилось имя Кристофер Литтл, и она решила послать кипу страниц на адрес его агентства в лондонском квартале Фулхэм. Брайони Эванс, ассистентка Литтла, была очарована текстом и уговорила патрона прочесть рукопись. Первых глав оказалось достаточно, чтобы убедить его, и он связался с автором. Джоан хотелось кричать от радости, хотя в голове у нее крутились слова агента: «Ничего еще не сделано...» И следующие месяцы ясно подтвердили его правоту.

Двенадцать первых выбранных издательств отказываются от публикации. Приговор обжалованию не подлежит. Проходит год, потом Литтл узнает, что издательство «Блумсбери» (одно из престижнейших в Великобритании) собирается создать редакцию книг для детей и юношества. Он решает направить рукопись редактору Барри Каннингему. Начало текста вызывает у того прилив энтузиазма. Но судьбу Джоан в конечном счете решит восьмилетняя девочка Алиса Ньютон. Она дочка генерального директора издательства, и тот, желая посмотреть на реакцию ребенка, велел прочесть ей первую главу «Гарри Поттера». Девочка прочла и, страшно разволновавшись, захотела непременно узнать продолжение. И этот детский восторг породил поистине планетарное издательское безумие.

Контракт был подписан. Издатель лишь посоветовал Джоан изменить имя, чтобы книга, написанная женщиной, не ассоциировалась с «девчоночьим чтением». Так на обложке первого тома, вышедшего 26 июня 1997 года, появилось «Дж. К. Роулинг». «К» взято от Кэтлин, ее бабушки по отцу. Первый тираж издан с осторожностью, всего 2500 экземпляров, но очень скоро книгу пришлось допечатывать, причем не единожды. Через несколько недель роман взлетел сразу на первую строку рейтинга продаж, заговорили о настоящем событии. Джоан пишет продолжение, а успех тем временем ширится. Книгу начинают переводить во всем мире, причем после серьезных торгов. Для того чтобы чудо свершилось, недостает единственного элемента: фильма.

9

Благодаря родителям Дэвид Хейман всегда вращался в мире кинематографа. Его мать Норма, помимо прочего, была продюсером «Опасных связей» Стивена Фрирза. А Джон, его отец, участвовал в финансировании таких шедевров, как «Марафонец» и «Китайский квартал». Можно себе представить, какой груз давил на плечи молодого человека, когда он в свой черед решил выбрать профессию в той же сфере. На каждой деловой встрече ему приходилось слышать: «А, я хорошо знал твоего отца!» или «Как дела у твоей матери?». Всем *сыно-*

вьям такого-то или *дочерям такого-то*, безусловно, хорошо знакома эта манера окружающих постоянно указывать им место на семейной шахматной доске. Дэвид мог бы выбрать себе другое занятие, где был бы избавлен от сравнений, но для него существовало лишь кино. Он решил уехать в Соединенные Штаты, где сделал достойную карьеру, перейдя из «United Artists» в «Warner Bros.». Но в тридцать пять лет тоска по родине и желание чаще видеть близких заставили его вернуться и создать собственное предприятие в Лондоне. Вот так в 1996 году возникла студия «Heyday Films».

Новенькие бюро и ксерокс самой последней модели ждали первых проектов. Когда Дэвиду потребовалась ассистентка, отец настоял, чтобы он взял одну из его прежних сотрудниц – Энн Тейлор, долгие годы сидевшую без работы. Во время собеседования она едва проронила пару слов и отнюдь не показалась режиссеру киноманкой. Последний фильм, который она посмотрела в кинозале, был «Из Африки», вышедший в 1985 году. Но Дэвид решил пойти навстречу отцу. Тем более что тот добавил: «Знаешь, жизнь с ней обошлась не слишком ласково...» И действительно, пережитые испытания поколебали ее самооценку, причем до такой степени, что одиночество представлялось ей лучшим убежищем.

Молодой продюсер целыми днями читал присланные сценарии, но до сих пор не обнаружил ничего вдохновляющего. Когда родители предлагали вместе пообедать, Дэвид туманно упоминал о кое-каких проектах; чувствовалось, что лучше сменить тему. Кстати, постоянно шел дождь. Он, разлюбивший Лос-Анджелес, начал с сожалением вспоминать ночные прогулки по Венис-Бич²⁰. Не совершил ли он ошибку, вернувшись в Лондон?

Каждое утро по понедельникам Дэвид проводил совещания с внештатными сотрудниками, во время которых Энн записывала все, что говорилось. Дэвид хотел специализироваться на экранизации романов, поэтому каждый присутствующий представлял список книг, в потенциале способных превратиться в фильм. За несколько дней до того в бюро прибыл пакет, присланный Кристофером Литтлом. Речь шла о «Гарри Поттере и философском камне»²¹, романе для юношества, еще не появившемся в книжных магазинах. Наверняка Энн решила взять его домой на выходные из-за яркой обложки. Захваченная историей мальчика, поступившего в школу колдовства, она твердо собиралась сказать о книге на совещании. Но ей помешала робость. Весь день она промаялась, сознавая, что нужно вернуться и поговорить с Дэвидом. Но сколько она ни готовилась и ни репетировала слова, которые произнесет, страх выставить себя на посмешище не оставлял ее. И все же она пыталась побороть опасения, проникшись уверенностью, что должна поделиться своим восхищением этой книгой. Несколько лет она жила словно отрезанная от мира. Чтение романа Роулинг погрузило ее в необычный, волшебный и радостный мир. Если ей это пошло во благо, то и другие тоже смогут испытать подобные чувства. В конце концов она взяла в руки книгу и саму себя, а затем направилась к кабинету Дэвида. Но у двери ее снова охватил страх. В этот момент шеф вышел из кабинета и обнаружил секретаршу, застывшую на пороге.

– Что-то не так?

– Простите. Нет, все в порядке. Просто... утром я забыла сказать вам про эту книгу, – пролепетала она, протягивая роман.

Она могла бы на этом остановиться, но решила вкратце пересказать сюжет. Поначалу он оставил Дэвида совершенно равнодушным. Абсолютно не тот тип фильмов, которые он хотел бы продюсировать. Он мечтал о психологической драме, которая принесла бы номинацию на «Оскар». В тот момент много говорили о скандальном проекте, который собирался снимать в Лондоне великий Стэнли Кубрик, – там должна была встретиться самая гламурная

---

²⁰ Венис-Бич – пляж в лос-анджелесском районе Венис, «тихоокеанской Венеции», привлекающий массу туристов.

²¹ Таково английское название романа. Во Франции он вышел в издательстве «Gallimard» под названием «Гарри Поттер в школе волшебников». – *Примеч. автора.*

пара в мире, Николь Кидман и Том Круз. Вот о чем грезил Дэвид, а его помощница талдычила о мальчишке-сироте, летающем на метле. Нет, это просто какая-то чепуха. Энн закашлялась. Ранимость этой женщины совершенно обезоруживала Дэвида. Если бы не этот кашель, все могло бы повернуться по-другому. Он из вежливости – то есть из жалости – взял книгу и, поблагодарив, сунул в портфель.

10

В следующие дни ничего не происходило. Дэвид наверняка забыл о рекомендации секретарши. Между тем она перечитала роман, словно желая подтвердить первое впечатление. Пораженная силой воздействия, она осмелилась спросить после совещания в следующий понедельник:

– Так вы прочли роман?

В ушах Дэвида это прозвучало как напоминание, полученное из налогового управления.

– Нет, совсем замотался, – ответил он, что было чистым враньем.

По правде говоря, у него не было ни малейшего желания тратить время на эту историю, но тут он вспомнил слова отца: «Знаешь, жизнь с ней обошлась не слишком ласково...» На худой конец, он пробежит книгу, перескакивая через страницы. И он пообещал прочесть. Что и сделал тем же вечером. Удобно устроившись в кресле, он открыл роман, чтобы встретиться с первой фразой:

*Мистер и миссис Дурслей, из дома № 4 по Бирючинной улице, гордились тем, что они, спасибо преогромное, люди абсолютно нормальные*²².

Потом вторую:

Трудно было вообразить, что они окажутся замешаны в делах необычных или загадочных...

И третью:

...они не признавали всякой там чепухи.

И так далее, фразы нанизывались одна на другую, сливаясь в живое и жизнерадостное повествование. Как высланный вперед дозорный будущей многомиллионной армии читателей, Дэвид мог только признать, что здесь веет поразительный романтический дух. В тот вечер он собирался посмотреть телевизионную передачу, начинавшуюся чуть позже, но желание пропало, а он этого даже не заметил. История его захватила, и он не мог остановиться, переворачивая страницы. Как давно ему не приходилось испытывать чего-то подобного? Он уже не помнил. Может, когда читал «Храм Луны» Пола Остера, да и то потому, что ему предстоял ужин с автором после предварительного показа в Нью-Йорке фильма «Дым», сценарий которого тот написал. Встреча так и не состоялась. В тот вечер писатель-сценарист сбежал от всех светских обязанностей. Но вернемся к «Гарри Поттеру». В любом случае Дэвид давно уже не получал такого удовольствия от чтения. Сегодня очень трудно представить себе чувства, которые можно испытать, читая этот роман, если ты никогда ничего о нем не слышал, в девственном незнании читательских восторгов и в абсолютном неведении того, каким явлением этот роман станет в будущем. Осмыслить чтение «Гарри Поттера» до успеха «Гарри Поттера». Кучка чита-

---

²² Здесь и далее текст цитируется по переводу романа «Гарри Поттер и философский камень», сделанному Марией Спивак и опубликованному в издательстве «Махаон».

телей, в числе которых оказался Дэвид, прошла через всю исключительность подобного опыта, повторить который на сегодняшний день мог бы разве что инопланетянин. А потому было совсем не очевидно, что еще до того, как первый том саги поступил в широкую продажу, кто-то мог сказать себе: «Ух ты, из этой истории получится классный фильм».

Это была мгновенная вспышка интуиции, квинтэссенция продюсерского таланта. Перед глазами Дэвида Хеймана уже возникли дом Дурслей и школа Хогварц. Конечно, он понимал, что съемки обойдутся дорого, но ведь можно привлечь бывших коллег из «Warner». Единственная неувязка в том, что книгу никто не знает; а ведь если предполагаются крупные затраты, всегда лучше экранизировать истории, уже хорошо известные широкой публике. Дэвид спохватился: не торопится ли он? А вдруг права уже проданы? Прежде всего необходимо встретиться с автором. Кто же скрывается за инициалами Дж. К.?

11

Наутро, после нескольких часов беспокойного сна, Дэвид заглянул в кабинет Энн. Увидев его бледную физиономию, она решила, что шеф на всю ночь загулял где-нибудь в Сохо. Он тут же положил конец домыслам про ночные похождения, с энтузиазмом заговорив о книге. Сначала Энн подумала, что он говорит из вежливости, раз уж она проявила настойчивость. Но нет. Он вспоминал сюжет, в точности воспроизводя кучу деталей. Можно было не сомневаться: он проглотил весь роман. Энн испытала глубокую радость, которая могла бы показаться непомерной; в конце концов, она просто посоветовала книгу своему шефу, а он теперь делится впечатлениями. Но внутри у нее нарастало совсем иное чувство: она оказалась достойной доверия, ее интуиция сработала верно. Другими словами, на нее еще можно положиться. Когда знаешь, чем закончилась эта история, кажется вполне вероятным, что с судебным процессом, который Энн вела против самой себя, было покончено.

– Вы знаете, кто автор? – спросил Дэвид.

– Да, я выяснила. Это женщина тридцати двух лет.

– Женщина? Не знаю почему, но я думал, что мужчина.

– Мне кажется, путаница и была их целью, ведь инициалы Дж. К. можно толковать как угодно.

– А, вполне возможно...

– На гранках нет никакой дополнительной информации, кроме того, что этим занимается Литтл.

– Отлично. Свяжитесь с ним и назначьте встречу.

– Да, конечно, я все сделаю... – ответила она, и через несколько минут вернулась в кабинет Дэвида. – Издательство «Блумсбери» как раз устраивает небольшой коктейль для продвижения книги. Сегодня вечером, и автор тоже там будет.

– ...

– Вы приглашены...

Она произнесла эти несколько слов нейтральным тоном, как если бы все шло своим чередом. Все было очевидно и так. Дэвид отправится на коктейль и встретит там Дж. К. Роулинг. Он предложил Энн сопровождать его. Вообще-то, ведь именно она открыла книгу. Энн на пару секунд задумалась и отклонила приглашение. Даже предлог нашла: ей нужно покормить Чехова и Толстого, двух ее котов, так что не получится. Она подумала, как элегантно со стороны Дэвида было позвать ее с собой, но чувствовала себя скованно на таких вечеринках, где следовало уметь глупо улыбаться и говорить при этом умные вещи. Зато ей льстила мысль, что она является кем-то вроде тайного советника. Вечером в переполненном метро никто не мог себе представить, что эта скромная пассажирка войдет в историю кинематографа как первооткрыватель и посредник феноменального успеха.

12

Явившись на коктейль, Дэвид почувствовал, как в нем нарастает внутреннее напряжение. Назвав на входе свое имя и отдав пальто, он направился к бару за стаканом воды. В горле у него пересохло; отпив глоток, он оглядел зал. Как может выглядеть писательница, ради встречи с которой он пришел? К нему подошла молодая женщина:

– Дэвид? Что ты тут делаешь?

Возможно, от волнения он не сразу понял, кто к нему обращается. Но он прекрасно умел справляться с подобными ситуациями. Достаточно завести поверхностную болтовню, и рано или поздно ты ухватишь на лету важную информацию, позволяющую идентифицировать собеседника. Подошла к нему Эмили, с которой он подружился в университетские годы. Теперь она работала в издательстве. Полезное знакомство, мелькнуло у него в голове.

– Я пришел встретиться с автором... – в конце концов проговорил он. – Возможно, для проекта фильма, – добавил он почти смущенно.

Эмили предложила представить его писательнице, но в зале Джоан не было. Наверняка та вышла подышать воздухом. Эмили заполнила паузу:

– Обычно для книг с таким маленьким тиражом мы презентаций не устраиваем. Мы пригласили несколько журналистов, пишущих для юношества, и библиотекарей, которые собираются организовать конкурсы по мотивам «Гарри Поттера».

Еще несколько фраз в том же роде, и наконец появилась Джоан. Эмили и Дэвид подошли к ней. Эту сцену стоило бы показать в замедленной съемке. Но в романе... как-то сложно... замедлить... ритм... действия... если только... не использовать... многоточия.

– Все в порядке? – забеспокоилась Эмили, заметив бледность Джоан.

– Да, все хорошо. Я вышла на минутку. Слишком волнуюсь.

– Понимаю. Позволь представить тебе Дэвида. Это мой друг, он продюсирует фильмы и хотел бы с тобой поговорить.

– А... Добрый вечер.

– Добрый вечер. Я искренне рад знакомству, особенно после того, как провел несколько часов с вашими героями. Я очарован вашей книгой.

– Может, присядем где-нибудь? – предложила Джоан, словно принять комплимент все-раз было выше ее сил.

Эмили удалилась, решив, что лучше им побеседовать тет-а-тет. Джоан присела на банкетку. Дэвид пролепетал, что, если момент неподходящий, они могут поговорить позже, но она настояла, чтобы он остался. Ее смущает, что ради нее собралось столько народу. Благожелательная атмосфера и внимание были ей совсем непривычны. Могла ли она вообразить, что вскоре весь мир станет походить на этот устроенный ради нее прием?

Пока Дэвид распинаялся насчет книги, Джоан сидела потупившись. Ей все еще казалось несообразным, что кто-то комментирует ее работу. Как если бы посторонний повторял то, что она доверила бы лишь своему психоаналитику. Джоан слушала, как этот человек во всех подробностях описывает события в Хогварце. Увлечшись, он начал рассказывать о фильме, который уже сложился в его голове. На этот раз она его прервала:

– Фильм... вы серьезно?

– Ну да, фильм.

– Послушайте, все, что вы говорите, глубоко меня трогает. Вы не можете себе представить. Но тут вы заходите слишком далеко.

– ...

– Вы друг Эмили, вы хотите, чтобы я провела хороший вечер... и я действительно прекрасно провожу время... только не надо говорить со мной о фильме. Такое даже представить невозможно. Книга еще не вышла, и вполне вероятно, что она никого не заинтересует.

– Не думаю.

– Не думаете чего?

– Я уверен, что это будет настоящий успех и что эта история просто создана для кино.

– Да ну?! – выдохнула Джоан, не в силах скрыть изумления.

– Да, пока я читал, передо мной возникло столько картинок...

– И... как вы себе это представляете?

– Большой приключенческий фильм. Я работал с «Warner Bros.» в Штатах. Уверен, они будут в восторге.

– Я не хочу, чтобы фильм был американским. «Гарри Поттер» – английская история. Поэтому, если однажды, как вы утверждаете, будет снят фильм, он будет английским. С английскими актерами.

– Ладно... очень хорошо, я понимаю, – ответил Дэвид, удивленный тем, какой неожиданный оборот принял этот разговор. Пару секунд назад его собеседница чуть сознание не теряла – и вдруг превратилась в прозорливую защитницу своего творения. Когда речь заходила о «Гарри Поттере», в ней чувствовалась мощь.

Джоан добавила:

– К тому же фильмов придется снять несколько, потому что всего будет семь томов. В голове я их уже написала...

13

В середине ночи Джоан внезапно проснулась, словно кто-то ее встряхнул, и спросила себя: действительно ли этот безумный разговор с кинопродюсером имел место? Как-то сомнительно. Однако разговор состоялся. Они беседовали больше часа и договорились встретиться в ближайшее время. Обсуждение продолжилось, будто и не прерывалось. Готовясь к встрече, Дэвид перечитал книгу. Чтобы убедить автора уступить права на экранизацию, всегда можно говорить о гонораре и кастинге, но все же надежнее отталкиваться от текста. Он не скрывал желания работать с ее романом и таким образом сам становился желанным. Довольно быстро он получил ответ от студии «Warner». Они готовы подключиться и поддержать его. Это была великая новость, а также доказательство того, что он не ошибся. Теперь оставалось получить согласие Джоан, но та пока что пребывала в растерянности. Превыше любых надежд и вопреки всем ожиданиям книга на всех парах двигалась к тому, чтобы стать настоящим событием. Не замедлили проявиться неизбежные последствия: книгой начали интересоваться другие продюсеры, причем не из самых мелких. Дэвид торопил «Warner» с официальным подтверждением; нельзя было терять время. Тревожная мысль, что он может упустить подобный проект, обеспечила ему несколько бессонных ночей. Но в конце концов Джоан его успокоила: она больше ни с кем не будет вести переговоры. Он первым поверил в эту историю еще до успеха книги, – значит, выбран будет он. Так и вышло. Отныне их связало это авантюрное предприятие, которому предстояло растянуться на десятилетие. Дэвид был потрясен: ему достались права на экранизацию романа, заполучить которые мечтали все его коллеги. Это как если бы он купил «Джоконду» в момент, когда она была еще замыслом в мозгу Леонардо да Винчи.

Все поздравляли Дэвида с ослепительным успехом. Родители молодого продюсера безмерно им гордились²³. Теперь все ждали великого фильма. Однако, объективно говоря, ничего еще не было сделано. Прежде всего предстояло выбрать режиссера. Предложили Стивена Спилберга, который заинтересовался проектом, но только при условии, что в фильме будет сниматься Хэйли Джоэл Осмент, молодой актер, прославившийся после «Шестого чувства». Однако Джоан твердо настаивала на том, что исполнители должны быть британцами. Кстати, как и Дэвид, она предпочитала в качестве британского режиссера Терри Гиллиама. Выходец из «Монти Пайтон»²⁴, он снимал слегка безумные фильмы вроде «Бразилии» или «Приключений барона Мюнхгаузена»; легко предположить, что он сумеет создать сказочный мир школы волшебников. Но студия «Warner» вскоре отклонила его кандидатуру; скандальная репутация, раздутое эго – слишком велик риск, что все пойдет вразнос. Позже, после бесчисленных катастроф, связанных с постановкой «Дон Кихота»²⁵, его даже называли «проклятым режиссером». Потом предложили диаметрально противоположную кандидатуру – Криса Коламбуса²⁶, который следовал от триумфа к триумфу, от «Один дома» до «Миссис Даутфайр». Это имя вызвало у Дж. К. Роулинг легкую улыбку: оно словно донеслось из ее вселенной, и она признала, что мысль интересная. Продюсеры вдумчиво искали надежного режиссера, умеющего делать семейное кино. Поскольку после успеха книги все поверили в перспективы создания цикла фильмов, они хотели прежде всего обезопасить бюджет, грозивший перевалить за сотни миллионов долларов. Подготовка к съемкам шла в редкостно лихорадочной атмосфере.

На роль Гарри Поттера Дэвид вначале прочил Джейми Белла, которому предстояло вскоре блеснуть в ленте «Билли Эллиот». Продюсер, увидев фильм на частном просмотре, был поражен мастерством мальчика. Но тому уже исполнилось тринадцать, скоро четырнадцать. Он быстро вырастет; а ведь если не случится оглушительного провала, съемки будущей саги затянутся на многие годы. поэтому в первом фильме следовало снимать именно десятилетнего ребенка. Поиск этой редкой жемчужины обещал стать непростым делом. Дженет Хиршенсон и Сьюзи Фиггис, кастинг-директора, активно включились в работу, отсматривая десятки юных актеров. И раз уж было понятно, что процесс может затянуться, кастинг начался одновременно с выбором сценариста, что, вообще-то, редкий случай. Обычно охота на актеров открывается, только когда сценарий уже готов. Джоан Роулинг отказалась за него взяться. И не только из-за отсутствия опыта, но и потому, что хотела сосредоточиться на продолжении истории Гарри Поттера. По зрелом размышлении Дэвид остановился на сценаристе Ричарде Кёртисе, который прославился тем, что написал «Четыре свадьбы и одни похороны». Выбор мог показаться странным, но, по мнению Дэвида, было не так уж нелепо рассматривать жанр будущего «Гарри Поттера» как комедию и даже романтическую комедию. Он связался с Кёртисом. Тот предложил продюсеру приехать на съемочную площадку фильма, сценарий которого он только что закончил, – речь шла о «Ноттинг-Хилле». Авторы сценария редко присутствуют на съемках, но тут был особый случай: сюжет включал в себя много личных деталей (даже дом, где про-

²³ Вскоре им будут регулярно говорить: «А, вы родители Дэвида Хеймана!» – *Примеч. автора.*

²⁴ «Монти Пайтон» («Monty Python», 1969–1983) – британская телевизионная комик-группа, создававшая телескетчи с анимационными вставками. Терри Гиллиам разрабатывал концепцию группы и работал как художник-аниматор. Работа группы основывалась на коллективном творчестве и во многом сформировала будущий стиль Гиллиама.

²⁵ Речь идет о фильме «Человек, который убил Дон Кихота» («The Man Who Killed Don Quixote», 2018). Фильм снимался в течение 29 лет и вошел в историю кинематографа как один из примеров проектного ада (проблемы с финансированием, чехарда с выбором главных исполнителей, правовые споры, суды и т. п.).

²⁶ Крис Коламбус (р. 1958) – американский кинорежиссер, специализирующийся в основном на семейном кино; в результате он снимет фильмы «Гарри Поттер и философский камень» и «Гарри Поттер и Тайная комната».

исходило действие, был копией собственного дома сценариста). Поэтому Кёртис решил держаться рядом на случай, если понадобится его консультация. Кстати, он жалел, что не взялся за постановку сам. Вскоре он примется лично воплощать на экране свои истории, в частности в «Реальной любви»²⁷.

15

Вот так случилось, что Дэвид посетил дом по адресу: Портобелло-роуд, 104, который послужит основной декорацией. На площадке он поприветствовал Хью Гранта, которого хорошо знал, но так и не обнаружил Джулию Робертс, с которой очень хотел бы встретиться. Между сценами она не покидала свою гримерку. Во время перерыва на обед Дэвид и Ричард отправились в маленький индийский ресторанчик, где им было спокойнее, чем в актерской столовой. Продюсер заранее отправил сценаристу роман Дж. К. Роулинг. Они поговорили о том о сем – то есть о Джулии Робертс. Потом Ричард Кёртис перешел наконец к главной теме:

– Я был скорее удивлен, когда ты прислал мне роман. Это не из тех историй, которые мне обычно предлагают...

– Знаю.

– Однако я доволен, что прочел. Все только о нем и говорят. И понятно почему: действительно классная штука.

– Знаешь, я подумал о тебе именно из тех соображений, по которым ты находишь эту мысль странной. Я уверен, что ты способен сделать Гарри Поттера правдивым. Для меня он ребенок, очарованный тем, что ему открылось. Не так уж далеко от того, что ты пишешь, – от магии чувств...

– Приятно слышать, но для меня там многовато колдовства.

– В том-то и суть: я подумал, что сценарий должен делать ставку на реалистичный аспект. Фантастический мир уже задан, поэтому надо подчеркнуть реальность происходящего. Любому ребенку должен узнавать в Гарри Поттере себя. Ты ведь сумеешь передать переживания мальчика, с которым плохо обращаются, как с Гарри Поттером в первой части?

– Да, но при нем филин, который умнее меня. Это и впрямь не мое...

– Ты говоришь о Хедвиге, это сова.

– Видишь, я путаю филинов и сов, этим все сказано... – заключил Ричард с улыбкой.

Разговор в прежнем легком тоне продлился еще некоторое время. Было уже ясно, что Кёртис вряд ли подойдет. К тому же он считал историю откровенно затянутой. Слишком много составляющих, слишком много второстепенных персонажей, слишком много деталей, важных для понимания мира Хогварца. По его словам, чтобы передать все это, пришлось бы снять фильм часов на восемь. Короче, он не чувствовал в себе сил взяться за такую работу, да и интереса тоже не проявил и вежливо отказался. Кроме того, Кёртис нашел отличный предлог для отказа, чтобы не обидеть Дэвида и сохранить перспективы для будущего сотрудничества:

– Я только что подписался на фильм, который займет у меня много времени. Кстати, тоже экранизация.

– Какой?

– «Дневник Бриджит Джонс».

Так бы сразу и сказал, а не заставлял меня тащиться на встречу, подумал Дэвид. Это было как-то неприятно. Но Кёртис обычно старался вникнуть в любые предложения – мол, это изящнее, чем сразу отказать человеку. Получается, что одно и то же поведение может восприниматься по-разному, и в результате один его считает деликатным, а другой невежливым.

---

²⁷ «Реальная любовь» («Love Actually», 2003) – британская рождественская романтическая комедия, основная мысль которой – «Вообще-то, любовь повсюду».

* * *

Впоследствии Дэвид пришел к выводу, что разговор был бесполезен; в результате это помогло ему уточнить свое видение фильма. Кёртис был прав; суть проекта – фантастика. Не видя, к какому еще британскому таланту обратиться, он начал подумывать об американских сценаристах. А конкретнее – о Стиве Кловисе. Джоан Роулинг, еще даже ничего о нем не узнав, выразила недовольство. Напомнила, что «Гарри Поттер» – чисто английская история. И все же, чтобы доставить удовольствие Дэvidу, она согласилась встретиться со сценаристом. К величайшему всеобщему удивлению, Стив очень быстро ее убедил, и контракт был незамедлительно подписан. Тем же вечером за бокалом шампанского, которым было решено отметить это событие, Дэвид подошел к Джоан и поинтересовался, что же побудило ее с такой легкостью передумать. Она взглянула на продюсера, ставшего почти другом, и призналась:

– Он мне сказал, что его любимый персонаж – Гермiona.

* * *

Расплатившись по счету, Дэвид проводил Кёртиса обратно на съемочную площадку «Ноттинг-Хилла». После возвращения в Лондон он не спродюсировал ни одного фильма, поэтому ему захотелось задержаться и посмотреть, как снимают следующую сцену. Ему не хватало кипучей деятельности; он был по горло сыт сидением в кабинете и встречами в ресторанах. Ребенком, следуя за родителями, он проводил долгие часы на съемках; он это обожал. Стоило ему приблизиться к декорациям фильма, и возвращались воспоминания о первых детских восторгах. Время невинности... И, пребывая в этом пузырьке ностальгии, он заметил на другой стороне улицы мальчика, сидевшего на стуле. Круглые очки, взлохмаченные темные волосы, – одним словом, перед ним словно предстало видение.

16

Если задуматься о случае, благодаря которому скрестились пути Мартина (да еще в этих очочках на носу) и Дэвида Хеймана, недолго поверить в волшебство. Однако все это правда. Каждая деталь. И расскажет об этом не Мартин, а кастинг-директор Сьюзи Фиггис в документальном фильме о закулисном мире съемок, вышедшем в 2011 году на Би-би-си.

А в ту минуту взволнованный продюсер на подгибающихся ногах подошел к мальчику. Сперва он не знал, что сказать, потом решил просто представиться:

– Здравствуй, меня зовут Дэвид, а тебя?

– Мартин.

– Что ты здесь делаешь?

– Я сейчас буду участвовать в массовке.

– А разве статистов не собирают в одном месте? Обычно они держатся в стороне от съемочной площадки...

– Не знаю. Я с папой.

– А кто твой папа?

– Джон Хилл.

– Он работает на фильме?

– Да, он реквизитор.

– А... понимаю. И тебе это нравится, быть статистом?

– Не знаю. Массовку еще не звали на площадку. Папа сказал, что я должен буду просто пройти по улице, совсем скоро.

– Да, это здорово, вот увидишь. Я тоже, когда был маленьким, ходил на съемки с родителями. Тебя папа часто вот так берет с собой?

– Почти никогда. Просто Роза сегодня занята.

– А кто это, Роза?

– Моя няня...

Дэвид старался держать себя в руках, но ощущал пьянящее волнение. Помимо невероятного физического сходства с персонажем мальчик еще и держался с редкой раскованностью. Обычный ребенок, начини его расспрашивать незнакомый взрослый в непривычном месте, скорее всего, почувствует себя неловко. А вот Мартин совсем другой. Они еще немного поболтали о том о сем. Продюсер не хотел действовать слишком в лоб, но в конце концов все-таки спросил:

– А тебе понравилось бы сниматься в кино?

– Не знаю.

– Сыграть в фильме. Стать одним из героев. Не просто статистом. Это было бы здорово?

– ...

В этот момент подошел Джон и прервал разговор:

– Здравствуйте, я отец Мартина, какие-то проблемы?

– Нет-нет, ни малейших. Меня зовут Дэвид Хейман, я продюсер. Я тут как раз беседовал с Мартином...

– Да, вижу, – сухо ответил Джон: его явно насторожило, что какой-то мужик пристает к его сыну.

– Мне очень хотелось бы с вами поговорить, если возможно, – продолжил Дэвид.

– О чем?

– Я спросил Мартина, не хочет ли он сниматься в кино...

– Мартин?

– Да.

Кто-то позвал Джона, – кажется, срочно потребовалось его вмешательство.

– Мне нужно идти. Съемка сейчас начнется...

– Да, конечно, я понимаю. Я вам оставлю свою визитку, и, если вы не против, мы спокойно все обсудим сегодня вечером. Или когда вам будет удобно...

Джон взял визитку Хеймана, сказал сыну, что скоро начнут снимать сцену, в которой тот должен будет пройти по улице, и ушел обратно на площадку. Мартин никогда не видел отца в стрессовой ситуации. Джон, неизменное воплощение беспечности, на этих съемках постоянно находился под неослабным давлением. Дэвид еще немного поговорил с Мартином, но «Гарри Поттера» не упоминал. Лучше, чтобы серьезная беседа состоялась в более спокойной обстановке. Времени посмотреть следующую сцену уже не осталось. Пора было возвращаться в бюро. Он пожал Мартину руку, с нажимом произнес: «до скорой встречи...» Невероятно, но, уходя с площадки, он нос к носу столкнулся с Джулией Робертс. Это было неоспоримым знаком, предвестием чуда.

17

Джон подождал, пока сын ляжет спать, и позвонил Дэвиду Хейману. Тот ответил, что он сейчас на улице; городской шум это подтверждал. В те времена мобильник еще был гаджетом богатых, хитрым устройством для тех, кто желал подчеркнуть свой статус. Джон вскользь подумал, как жаль, что не он изобрел подобную машинку, а потом вслушался в то, что говорил продюсер. Конечно, тот не был никаким извращенцем. По правде говоря, интуиция у Джона

всегда хромала. Когда у него спрашивали, кто победит на предстоящих выборах, он неизменно ставил на того, кто их проиграет. Сегодня днем он кинулся к этому человеку, прервав его на полуслове и заранее приписав ему самые низменные пороки. А тот всего лишь хотел пригласить Мартина на пробы. Он увидел в его сыне потенциального исполнителя для фильма, который собирается снимать; больше того, по его словам, сходство Мартина с главным героем было ошеломительным. Однако Джон не имел ни малейшего представления о том, кто такой Гарри Поттер. С тех пор как уехала Жанна, он перестал следить за текущими событиями. Раньше именно жена приносила реальность в жизнь семьи. А теперь не было причин интересоваться последними новостями. Джону порой казалось, что он пребывает в 1992 или 1993 году, застряв где-то между двумя счастливыми днями.

Повесив трубку, он зашел взглянуть на спящего Мартина. Когда сын был младенцем, Джон часто подходил проверить, как ребенок дышит. Годы шли, но Джон так и не отказался от этого ночного ритуала. В его глазах ничто не могло сравниться со зрелищем сына, убаюканного сном. Эта картина обладала властью отгонять горечь. В такие моменты реальность представляла в ослепительной простоте, лишенной любых двусмысленностей. Джона завораживала глубина детского сна. У ребенка над ухом можно играть на кларнете (что, конечно, довольно редкий случай, если исключить семьи извращенных меломанов) – он все равно останется в непроницаемой барокамере своей ночи. Возможно, такова и есть, в конечном счете, великая сила детства: абсолютный сон. Ничто не может с нами случиться, когда мы так спим. В какой момент жизни мы теряем эту способность? Годам к четырнадцати-пятнадцати. Не исключено, что поэтому и случается кризис подросткового возраста – из-за исчезновения идеального отдыха. Как давно Джон так не спал. Теперь ему уже не достичь этой ночной глубины, куда не доносятся никакие отголоски дня.

И эта ночь не стала исключением. Джон не сомкнул глаз, прокручивая в голове слова продюсера. Тот, похоже, был совершенно уверен, что Мартин подходит на роль. Часто случается, что будущих звезд обнаруживают именно так – отчасти случайно. Кстати, совсем недавно Джон слышал похожую историю про Брюса Уиллиса: его карьера началась с того, что он, когда работал барменом в Лос-Анджелесе, попался на глаза какому-то кастинг-директору. В путанице ночных мыслей Джон уже представлял, как сидит в первом ряду на каком-нибудь закрытом просмотре. Однако правила игры ему были хорошо знакомы. Сколько в истории кинематографа несбывшихся обещаний и разбитых надежд? Но остатки здравомыслия вовсе не препятствие мечте, а в мире гипотез так легко увериться в их осуществимости. И он продолжил дрейфовать к счастливым берегам по лучшему из возможных сценариев. По очевидной логике сюда включалось и возвращение в Лондон Жанны. Она обязательно приедет, чтобы быть ближе к своему ребенку, и их семья обретет второе дыхание. На этой картине Джон и заснул, как если бы греза опередила сон.

18

Наутро Джон приготовил сыну завтрак, но решил, что говорить о предложении Хеймана еще рано. По его мнению, это не подпадало под категорию «сидячих разговоров». И только по дороге в школу он рассказал сыну о том, что созвонился с продюсером.

– Ну конечно я знаю про «Гарри Поттера»! Его сейчас все в школе читают, – тут же воскликнул Мартин.

Две короткие фразы, от которых Джон еще острее почувствовал, до чего оторван от мира. С каждым днем он все больше убеждался в своем таланте увиливать от веяний моды. Тогда он объяснил сыну ситуацию. Человек, который говорил с ним на съемках, думает, что Мартин очень похож на главного героя. Мальчику эта новость показалась невероятной. Если до этого

его любопытство дремало, то сейчас он горел желанием погрузиться в книгу. Неужели он и вправду похож на Гарри? Никто ему никогда ничего подобного не говорил.

* * *

Они уже подошли к школе, когда Джон приступил к главному:

– Тебе будет интересно попасть на пробы?

– А это что?

– Ты играешь перед камерой, а они смотрят, подходишь ты или нет.

– Но я же не актер.

– Иногда они берут людей, которые непрофессионалы в кино. Если тебе как следует объяснить, в чем тут дело, у тебя получится, я уверен.

– Ну, не знаю.

– По-моему, стоит попробовать. И наверняка ты классно развлечешься...

Намного позже Мартин вспомнит этот разговор, а точнее, фразу отца: «И наверняка ты классно развлечешься». И у него по спине пробегут холодные мурашки. Ничего удивительного, если знать, сколько потрясений вызовет эта эпопея.

* * *

Весь школьный день Мартин, в точности как его отец накануне, плавно склонялся к наилучшей версии этой истории. Между двумя заданиями по арифметике он уже видел себя звездой кино, а может, даже в клипе с Майклом Джексон. На него будут смотреть влюбленными глазами, а Бетти станет кусать локти из-за того, что его отвергла. По своей несказанной доброте он простит ей ошибку молодости. В своих раздумьях о потенциальных последствиях успеха Мартин и впрямь заглядывал далеко. А ведь Джон, который по крайней мере одной ногой стоял на земле, предупредил сына, что ничего еще не решено. Это всего лишь проба, и только. Больше того, добавил он, за то, чтобы получить эту роль, станут, конечно же, бороться десятки детей. Но это не мешало Мартину забегать вперед; так человек, приобретший лотерейный билет, прикидывает, отмечая номера, что купит на будущий выигрыш.

19

В тот же вечер отец и сын решили вместе пробежать несколько первых глав романа. В обеденный перерыв Джон сходил за книгой; при входе в магазин любой покупатель сразу наткнулся на огромную стопку Дж. К. Роулинг. Один успех тянет за собой другой, и отныне до любого издания можно было добраться, лишь миновав клеточку «Поттер». Фанат русской литературы, ни разу в жизни не заглянувший в отделы фантастики или книг для юношества, Джон тем не менее почувствовал, что история его захватила. Особенно ему понравился юмор автора; при любом упоминании об этих нелепых Дурслеях на его лице появлялась улыбка. Джон в конце концов даже узнал себя в юном Гарри, страдающем от несправедливости. По правде говоря, родство с главным героем ощущал любой читатель. На этих страницах присутствовал универсальный ингредиент. Гарри Поттер воплощал нашу мятежную частицу, наше желание обладать властью, чтобы наказывать придурков, нашу мечту о лучшей жизни.

Что касается Мартина, у него такое самоотождествление было еще прозрачнее. Каждое слово подтверждало, что речь идет именно о нем. Теперь он понимал ту очевидность, которую почувствовал продюсер. И действительно, все описания Гарри, от волос до манеры поведения, находили реальный отклик в том, что исходило от самого Мартина. Вне всяких сомне-

ний, если вложить ему в руку волшебную палочку, он станет юным чародеем. Но сходство не мешало ему готовиться к кастингу. Пробы были назначены на следующий понедельник, так что времени оставалось не так уж много. Тем более что на выходных Мартин должен был съездить в Париж. А потому в их распоряжении было всего два вечера, чтобы прикинуть, что от него может потребоваться. Джон сдвинул мебель в гостиной, освободив пространство, заказал большую пиццу и волей-неволей превратился в преподавателя актерского мастерства:

– В начале романа Гарри испытывает два основных чувства. Первое – разумеется, печаль. И это еще мягко сказано, вообще-то, он явно страдает. Бедный Гарри – сирота, к тому же дядя и тетя с ним плохо обращаются, так же как и их жуткий сынок Дудли.

– Дудли, – поправил Мартин.

– А, да, Дудли, извини. Короче, вот это чувство от тебя и потребуется передать. Гарри оказался замкнутым в мире, где чувствует себя совершенно беспомощным. А второе чувство, на мой взгляд, это упоение, восторг. Тебе предстоит открыть необычайный, невообразимый мир. Там есть сцена со змеей в зоопарке, но главное начинается с появлением этого великана Огрида...

– Он полувеликан, папа.

– Ну да, точно. Очень хорошо, дорогой, что ты запомнил все детали... Так на чем я остановился?

– На восторге.

– Да, точно. В день своего рождения ты узнаешь, что ты знаменитый волшебник... Представляешь? С ума сойти... Так вот, над этими двумя чувствами мы сегодня и поработаем: печаль и восторг. С которого хочешь начать?

– Наверно, с печали...

– Отлично. Тогда скажи мне, как тебе вызвать это чувство.

– Ну... если я подумаю о том, что вы с мамой разошлись.

– Понятно, давай начнем с восторга.

Тягостный момент миновал, Мартин начал следовать указаниям отца:

– Представь, что ты на вокзале и ищешь платформу девять и три четверти. Вот... да, так... у тебя в голове вертится, что это какая-то ерунда! И тут... ты понимаешь! Ты видишь, как другие дети проходят сквозь стену, и пробуешь повторить. Да, вот так... Представь, что ты несешься на стену и можешь об нее разбиться, но нет! Оп! Ты проходишь насквозь! Ну давай, дорогой...

Мартин едва сдержал смех, глядя на возбужденного отца, размахивающего руками, но включился в игру и изобразил прохождение сквозь воображаемую стену.

– О да, точно так! Браво! – восхитился Джон.

Они походили на двух психов, пытающихся воспроизвести крупномасштабный блокбастер на двадцати квадратных метрах маленькой гостиной. И оказалось, что это затягивает. Они развлекались вовсю, как давно уже не бывало, – они даже забыли, ради чего все затевалось. Джон открывал в сыне незнакомые черты; оказывается, тот не лишен ни изобретательности, ни юмора. Трудно сказать, был ли этот момент рождением призвания, но что-то явно произошло. Иногда, играя роль, находишь самого себя. Мартин, который прежде ничем особенно не увлекался, теперь мечтал поступить на театральные курсы. Конечно, решающим был энтузиазм, сверкнувший в глазах продюсера. Всегда хочется идти туда, где кто-то нас ждет. Выберут его или нет, но этому приключению Мартин был обязан важным открытием: ему страстно захотелось стать актером.

20

Вечером в пятницу их творческий дуэт расстался. Это произошло на вокзале Ватерлоо. До 2007 года именно оттуда уходили поезда «Евростар». Мартин, уже привыкший путешествовать самостоятельно, воспринимал эти поездки как предвестие взрослой жизни. Его обуревали смешанные чувства. Разворачивая фольгу, чтобы съесть приготовленный отцом сэндвич, он думал о папе. У него сердце разрывалось оттого, что пришлось оставить отца в одиночестве; мальчик чувствовал себя немного виноватым всякий раз, когда отправлялся к матери. Это не мешало ему радоваться за нее. Он прекрасно видел, что она стала намного веселее после переезда во Францию; улыбка снова появилась на ее лице. Вот Мартин и метался между чувствами родителей, от горечи к надежде, уже не совсем понимая, где же его место. Эмоциональная сумятица, усугубленная осознанием, что он находится в поезде, который едет под морем.

В ту пятницу Жанна, встретив сына, крепко прижала его к себе; даже слишком крепко, словно тело требовало наверстать прожитые в разлуке дни. Выпустив его из объятий, она чуть отстранилась:

– Мне так странно видеть тебя в очках, милый! – И добавила: – Теперь ты стал похож на Джона Леннона.

Сомнений не оставалось: он теперь скорее маленький англичанин, чем маленький француз; в поединке за корни отец выиграл. Мартину хотелось спросить: «А тебе не кажется, что я скорее похож на Гарри Поттера?» – но он решил, что заговорит об этом позже. Он сдерживался уже несколько дней, не желая рассказывать о необычайной истории по телефону, чтобы по лицу матери увидеть, как она на это отреагирует. До ее квартиры было минут десять ходу. Жанна сняла жилье в доме семидесятых годов прошлого века, не особо привлекательном, зато расположенном недалеко от вокзала, что упрощало перемещения и экономило время. Чтобы свести к минимуму травматизм перемен, она постаралась обставить парижскую комнату Мартина очень похоже на его же английскую комнату. Все было одинаковым, от обоев до пододеяльника. Поняв, что намерения были самые добрые, Мартин воздержался от замечания, что ему это очень странно. Возникало ощущение, будто он долго ехал, чтобы оказаться в исходной точке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.